

УДК 172.4+355.01

DOI: 10.26456/vtphilos/2024.2.214

МАССА И ВОЙНА В ТРАКТОВКЕ ЭЛИАСА КАНЕТТИ

А.А. Шестаков, Н.А. Балаклеец

ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет»,
г. Самара

В статье предложена интерпретация концепции Элиаса Канетти, представленной в его работе «Масса и власть». Эксплицированы способы взаимодействия массы и власти. Раскрыты способы функционирования «двойной массы», в том числе применительно к военной деятельности. Показано влияние на идеи Канетти модели миметического насилия, предложенной Карлом фон Клаузевицем. В качестве эрзаца кровопролитного столкновения двойных масс в «Массе и власти» понимаются спортивные состязания и парламентские дебаты. Проанализирована конститутивная для концепции Канетти фигура «выживающего». Обосновано, что установка на обнаружение антропологических констант, реализуемая в «Массе и власти», порождена беспрецедентными всплесками насилия в войнах XX века. Эксплицировано влияние социально-исторического контекста и экзистенциального опыта автора на истолкование ключевых элементов его концепции.

Ключевые слова: масса, война, политическая философия, власть, насилие, история, победитель.

Opus magnum Элиаса Канетти «Масса и власть» является одной из самых фундаментальных работ, раскрывающих суть и истоки политических конфликтов и разоблачающих антигуманную сущность неоправданного насилия. Австрийский писатель и мыслитель был далеко не первым автором, обратившимся к анализу феномена массы и коллизиям взаимоотношения массы и власти. В конце XIX в. увидело свет исследование Густава Лебона «Психология народов и масс». Спустя два десятилетия вышла в свет книга Зигмунда Фрейда «Психология масс и анализ Я». И, безусловно, данный перечень будет неполон без упоминания «Общественного мнения и толпы» Габриэля Тарда и «Восстания масс» Хосе Ортеги-и-Гассета.

Трактат «Масса и власть», увидевший свет в 1960 г., представляет собой политико-философское и культурологическое произведение, инициированное экзистенциальным опытом автора. В июле 1927 г. 21-летний Элиас стал свидетелем события, которое стало одним из самых драматичных в его жизни. Тогда в Вене произошли бурные волнения, в результате которых сгорел Дворец правосудия, а жертвами вмешательства полиции стали 89 демонстрантов. Канетти отмечал в связи с этим: «Я стал частью толпы, я полностью растворился в ней, я не чувствовал ни малейшего сопротивления тому, что она предпринимала» (цит. по: [14, S. 7]). Тема массы,

которая занимала писателя с ранней юности, кристаллизовалась в травме того «ярко освещенного, ужасного дня», который стал источником экзистенциального опыта, предопределившего появление «Массы и власти»: «То, что я искал, извлекал, исследовал, записывал, читал и перечитывал как бы в замедленной съемке в далеких друг от друга источниках, я смог удержать в памяти об этом центральном событии, которое оставалось свежим несмотря на то, что бы ни происходило потом в более широком масштабе, с участием большего числа людей и с большими последствиями для всего мира» (цит. по: [14, S. 7]).

По мнению одного из современных интерпретаторов Канетти Дэвида Кима, не следует сводить автора «Массы и власти» «к антропологу-любителю или политологу», необходимо «понять, каким образом он как писатель стремится предложить выход из войны и смерти, особенно для отдельных граждан, подчиняющихся государственным правилам. Именно по этой причине на протяжении нескольких десятилетий своей долгой жизни он работал над произведениями Гоббса, Фрейда и Шопенгауэра, прежде чем обнаружил в “Образцах бушменского фольклора” ключевой источник вдохновения для выживания в современном обществе» [12, p. 626].

Примечательно, что Канетти сознательно строит свое исследование массы и власти не на материале современной истории (и это прежде всего бросается в глаза при знакомстве с его *opus magnum*). Мыслитель осуществляет поиск культурных, политических и антропологических констант, для чего привлекает богатый этнографический и исторический материал, в том числе легенды и мифы древнейших времен. Канетти отмечает: «Масса повсюду равна себе: в разные эпохи, в разных культурах, у людей разного происхождения, с разным образованием, говорящих на разных языках, она остается, в сущности, той же самой» [5, с. 103]. На первый взгляд, приведенное положение трактата выглядит далеко не бесспорным, учитывая достигнутый человечеством уровень научно-технического прогресса. Выдвинем гипотезу, что интенция автора на экспликацию неких антропологических универсалий продиктована слишком очевидной аналогией между представителями современной цивилизации и древними племенами, аналогией, которая была порождена беспрецедентными по своим масштабам всплесками насилия в XX в.

Данная гипотеза подтверждается выводами современников Канетти, которые так же, как и он, стали очевидцами стихийного буйства толпы, иррациональных феноменов, которые не соответствовали укоренившемуся начиная с эпохи Просвещения рационалистическому пониманию социальных явлений. Так, в работе «Своевременные мысли о войне и смерти» (1915) Зигмунд Фрейд высказывает мысль, что разразившаяся мировая война, которая ведется «цивилизованными» странами, отличается не менее жестоким и иррациональным характером, чем войны прошлого. Обвинения ведущих войну европейцев в резком падении морального уровня, по мнению Фрейда,

являются бесосновательными, поскольку падение предполагает предварительное достижение определенной высоты. Деградация связана с утратой достигнутого ранее уровня развития. Согласно Фрейдю, возвеличивание морального облика европейцев есть всего лишь иллюзия. В конечном итоге громадная дистанция между современным европейцем и дикарем, которая так тщательно выстраивалась западноевропейской культурой и поддерживалась научной рациональностью, оказывается эфемерной: «война... лишает нас последних достижений цивилизации и обнажает в каждом из нас первобытного человека» [8, с. 48]. После Первой мировой войны Карл Густав Юнг пришел к выводу, что коллективное бессознательное немцев в послевоенный период содержало древние архетипические символы, которые выражали «первобытность, насилие, жестокость, короче говоря, всю власть тьмы» [9, с. 64]. Подобные деструктивные и не поддающиеся пониманию символы и являются, по мысли Юнга, источниками формирования толпы, лидером которой становится тот, в ком наиболее отчетливо проявляется воля к власти. Характеризуя Германию периода *interbellum*, швейцарский ученый отмечает, что «мировая война высвободила скрытые силы зла», развязавшись после накопления массами «их безрассудных желаний» [9, с. 66]. По сути процессы, затронувшие коллективное бессознательное немецкой нации, свидетельствовали об актуализации языческих элементов культуры: «старый бог бури и натиска, давно бездействующий Вотан, смог проснуться, как потухший вулкан, к новой деятельности в цивилизованной стране, о которой давно уже думали, что она переросла средневековье» [9, с. 72–73].

Подводя итог развитию немецкой критической литературы, увидевшей свет после окончания Первой мировой войны, Бернд Хюппауф отмечает, что ее центральным вопросом был вопрос о статусе войны в современной цивилизации. Достижение человечеством «цивилизованного» состояния предполагает его нравственную зрелость, которая проявляется в том числе и в отношении к войне. Если общество эпохи Просвещения породило идею «вечного мира», то Первая мировая война стала источником все возрастающего скепсиса по отношению к этому социально-политическому идеалу. В катастрофе мировой войны ее современники увидели эрупцию архаического, всплеск неконтролируемых страстей, которые не удалось погасить, несмотря на достижения разума и науки [11, S. 157]. Таким образом, на наш взгляд, установка на обнаружение антропологических констант, направляющая исследование Канетти, не является каким-то исключительным исследовательским приемом, но выражает разочарование поколения, испытавшего тяжесть мировых войн, в идеалах прогресса и цивилизации.

Явления, которые демонстрируют иррациональную силу разрушения, свойственную массам, обнаруживаются в разные исторические эпохи. Уже Французская революция продемонстрировала силу народных масс, которая имела не только внутрисполитические последствия, но и привела к существенным трансформациям войн, ведущихся на европейской территории.

Наполеоновские войны велись уже не армиями, изолированными от народа, но всей тяжестью народных масс [2, с. 37–39]. XX столетие вывело на авансцену истории массы нового типа – не только революционные, но и индустриализированные, истребляющие друг друга в войнах и военных конфликтах, готовые к неоправданно безжалостному насилию в отношении миллионов жертв. Апогеем идеологической индоктринации масс, получившим вес в политике и ставший мощным орудием войны, является немецкий национал-социализм, послуживший причиной гибели и страданий миллионов.

В данном исследовании мы не ставим своей задачей воспроизводить хорошо изученные выводы Канетти о природе массы и ее характеристиках. Мы сосредоточимся на малоисследованных, в особенности в отечественном философском и социально-гуманитарном дискурсе, аспектах «Массы и власти». Феномен массы, упоминаемый в названии трактата, несколько заслонила другой, не менее значимый объект анализа Канетти. Речь идет о феномене власти, оригинальная трактовка которого представлена на страницах работы. Взаимоотношения массы и власти в трактате представлены в следующих аспектах.

Во-первых, масса представляет собой продукт и средство усиления власти. Одним из атрибутивных свойств массы является непрерывная жажда роста, постоянного приращения. Политическая власть нуждается в массе живых людей, свидетельствующей о ее силе и могуществе: «*Властитель собирает людей*» [5, с. 484]. Однако масса живых выступает лишь орудием для приобретения властителем политической или военной славы. Постоянный приток безликих индивидов («армия теней») служит материалом, предназначенным для поддержания популярности властителя. Масса выступает средством поддержания дискурса власти, который основан на постоянном воспроизводстве ее имени.

Во-вторых, открытая масса, которая подвержена безудержному росту, может оказаться опасной для власти и, следовательно, должна быть «приручена». В качестве примера «послушной» массы Канетти приводит религиозную паству, существование которой далеко не всегда требует притока новых элементов. Принцип неподконтрольного *роста* сменяется в данном случае принципом *повторения*: функционирование социальной общности подчиняется строгому порядку, неизменным ритуалам. Однако внезапное преследование религии со стороны государства может повлечь за собой сбой в четко отлаженном механизме, подчиняющем себе массовые процессы. На смену послушной и контролируемой пастве (закрытой массе) приходит открытая масса, которая демонстрирует единство и необыкновенную способность к сплочению [5, с. 37].

В-третьих, масса может быть осмыслена как способ трансгрессии власти, преодоления ее границ. Если власть осуществляет производство социальных дистанций и границ, то масса, напротив, движима интенцией разрушения стабильных структур в социальном и физическом пространстве.

Еще Г. Лебоном были выявлены такие черты толпы, как чрезвычайная изменчивость, импульсивность, способность сочетать в себе преступное и героическое, а также «исключительно разрушающая сила» [7, с. 153, 165–167]. Указанные характеристики получают четкую кристаллизацию в «Массе и власти» Э. Канетти. Подобно аморфному и бескачественному Гераклитову огню, масса сметает на своем пути все устойчивое и определенное: рушатся дома и хрупкие предметы, превращаются в обломки каменные изваяния и памятники – зримые и весомые символы власти. В массе преодолеваются все социальные иерархии, имущественные и культурные дистанции, титулы и звания, которыми так дорожат люди в повседневной жизни: «Сбросив груз дистанций, человек освобождается, и эта обретенная свобода есть свобода преступления границ» [5, с. 30].

В зависимости от актуализируемых ими свойств массы подразделяются на открытые и закрытые, замершие и ритмические, медленные и быстрые, невидимые и видимые. Особое место в ряду социальных феноменов, эксплицированных Канетти, занимает *двойная масса*. Ее структура включает в себя две противостоящие друг другу гомогенные массы, напряжение между которыми позволяет каждой из них не распасться [5, с. 84]. Двойную массу образуют группы мужчин и женщин в архаических обществах (так, особая сила приписывалась военному танцу женщин, который был призван охранять «их отцов, мужей и сыновей от копий и пуль врагов... В 1941 г., когда немцы шли на Париж, женщины в Тананариве танцевали мирари, чтобы защитить французских солдат» [5, с. 88]). Кроме того, к двойной массе относится противостояние живых и мертвых. В данной связи важно подчеркнуть, что на появление канеттиевского концепта двойной массы, как и его концепции массы в целом, повлиял экзистенциальный опыт автора. В автобиографической книге «Факел в ухе» («Die Fackel im Ohr»), изданной уже после «Массы и власти», в 1980 г., Канетти описывает свои студенческие впечатления от знакомства с картиной Питера Брейгеля «Триумф смерти»: на этой картине изображены «сотни мертвых людей в виде скелетов», занятые тем, «что притягивают к себе столько же живых людей» [10, S. 132]. По признанию Канетти, которое проливает свет на происхождение его концепта «двойной массы», он «понимал, что речь идет о массе с обеих сторон, и как бы индивид ни чувствовал свою смерть в одиночестве, то же самое действует для всех остальных, и именно поэтому их необходимо мыслить вместе» [10, S. 133]. Помимо структур, состоящих из мужчин и женщин, мертвых и живых, двойная масса являет себя в противостоянии врагов на *войне*. Сокровенную причину войны Канетти усматривает в состязании растущих масс, каждая из которых стремится к «нагромождению штабелей вражеских трупов» [5, с. 91]. При этом каждый из участников войны принадлежит двум массам одновременно. Для братьев по оружию он является элементом массы сражающихся живых воинов. Противник же рассматривает его в числе «потенциальных и желательно мертвых» [5, с. 95]. Все

цели войны, по мнению Канетти, меркнут перед ее высшей целью – образованием массы мертвых противников. Страницы трактата, инициированные живописью П. Брейгеля, в свою очередь, рожают другую художественную аналогию: на наш взгляд, «Апофеоз войны» В.В. Верещагина в наибольшей степени выражает идею гигантской массы мертвых – страшного наследия войны.

Ведение войны сопровождается противостоянием национальных массовых символов, которые выступают в качестве иррациональных элементов самосознания нации. Выделяя символы, свойственные отдельным нациям (море для англичан, дамба для голландцев, революция для французов, матадор для испанцев и т. д.), Канетти уделяет особое внимание национальному массовому символу немцев, в качестве которого выступает *войско*, точнее, как оговаривает сам автор, *марширующий лес* [5, с. 215]. Важнейшее свойство леса – незыблемость – соответствует добродетели войска, «которое не побежит ни при каких обстоятельствах, которое ляжет до последнего человека, не уступив ни пяди земли» [5, с. 113].

Возникновение и развитие немецкого национал-социализма описывается в «Массе и власти» как «взаимопроникновение различных массовых механизмов», которое, по мнению Канетти, на уровне коллективной психики определяется глубинной структурой национального массового символа [13, S. 162]. Версальский договор ассоциировался в массовом сознании немцев не столько с поражением в Первой мировой войне, сколько с запретом иметь собственную армию, т. е. с утратой важнейшего национального массового символа. Слово «Версаль» для немца означало «запрещение деятельности, имеющей сакральный смысл, деятельности, без которой он не мыслит свою жизнь» [5, с. 226]. Здесь мы сталкиваемся с таким явлением, как *непризнание* побежденным собственного поражения, которое привело к катастрофическим для человечества последствиям – развязыванию новой мировой войны. Победа в войне одной из сторон и, соответственно, поражение другой стороны накладывают на них особые этические обязательства по отношению к будущему. Макс Вебер отмечал по этому поводу: «Вместо того чтобы – там, где сама структура общества породила войну, – ... искать после войны “виновного”, следовало бы по-мужски сурово сказать врагу: “Мы проиграли войну – вы ее выиграли”» [3, с. 311]. Крайняя форма неприятия Германией своего поражения в Первой мировой воплотилась в пропагандистском выражении «Версальский диктат», которое неустанно повторялось Гитлером. Слово «Версаль», с одной стороны, напоминало об унижении для немцев окончании войны, но, с другой стороны, воскрешало в памяти победоносные страницы немецкой истории. Именно в Версале Бисмарком был основан Второй германский рейх. Единство Германии стало возможным после победы, одержанной над императором Франции Наполеоном III. Таким образом, упоминание Гитлером знаменитой резиденции Людовика XIV, правда, в новом историческом и социально-политическом контексте, служило угрозой военного реванша: «Версаль – это *поражение*,

которое должно стать победой; это запрещенная армия, которую для этой цели следует восстановить» [5, с. 228].

Показательно, что в «Массе и власти» имплицитно присутствуют идеи Карла фон Клаузевица, притом что автор ни разу не упоминает знаменитого прусского военного теоретика (впрочем, ссылки на теоретиков – исследователей массы или толпы также отсутствуют.) Канетти отталкивается от знаменитой модели миметического насилия, которая была предложена признанным классиком военной теории [2, с. 19–53]. Согласно Клаузевицу, война представляет собой не только проявление физического насилия, но и соревнование воли: «война – это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю» [6, с. 35]. Таким образом, кровопролитное противоборство будет длиться до тех пор, пока противники сохраняют волю к дальнейшей борьбе, пока ни один из них не сломлен в своем желании одержать победу.

Впоследствии клаузевицевское определение войны окажет непосредственное влияние на дефиницию власти М. Вебером: «Власть означает всякую возможность внутри какого-то социального отношения настоять на своей воле пусть даже вопреки чужому сопротивлению» (цит. по: [1, с. 43]). Соревнование воли, пронизанное попытками добиться доминирования над противником вопреки его сопротивлению, может происходить не только в военной, но и в мирных сферах деятельности. Военный мимесис, подражание сопернику в военно-технической области, сопровождаемое противоборством в духовной сфере (противостояние воли), приводит к деструктивным для всего человечества последствиям. Следовательно, императив деэскалации вооруженного насилия требует переноса неистребимого в человечестве соревновательного духа в невоенную плоскость. В данном контексте заслуживают упоминания наивно-оптимистические прогнозы Пьера де Кубертена о том, что «спортивные состязания заменят войны и станут самыми миролюбивыми сражениями» [4, с. 88]. Экстраполяция миметической модели военной деятельности в мирное русло присутствует и в тексте «Массы и власти». В качестве эрзаца кровопролитного столкновения двойной массы военных противников выступают, во-первых, спортивные состязания, во-вторых, парламентские дискуссии [5, с. 235–236, 569–570].

Важную грань в осмысление войны у Канетти вносит фигура *выживающего* (*der Überlebende*), которая служит одним из концептуальных средств понимания автором победы в вооруженном противостоянии. Победитель, по мнению автора «Массы и власти», – это не тот, кто движим желанием признания (подобно гегелевскому Господину), не тот, кто поставил на кон свою жизнь и добился военного успеха ради трансцендентных ценностей. Согласно Канетти, победитель – это выживающий в ситуации смертельной схватки, тот, кто добился отсрочки собственной смерти посредством массовых смертей в стане врага: «Победитель – тот, кто убил больше врагов» [5, с. 90].

Автор «Массы и власти» отмечает: «Желание смерти другому действительно повсюду, и, чтобы его отыскать, не надо особенно долго копаться в человеческой душе» [5, с. 97]. По мнению Петры Кунау, приведенная формулировка («смерть как желание») свидетельствует о рецепции идеи Фрейда о «влечении к смерти» («Todestrieb»). Однако если в концепции австрийского психиатра это влечение саморазрушительно, то у Канетти оно направлено преимущественно вовне, проявляясь в форме агрессии против врага, которая помогает воюющей массе предотвратить собственную смерть [13, S. 84–85]. Безусловно, можно согласиться с Канетти в том, что победитель открывает перед своими соплеменниками или согражданами «перспективу определенного долгожительства» [5, с. 98]. Однако, на наш взгляд, смысл победы не исчерпывается возможностью коллективной отсрочки смерти. Победитель не просто дает возможность сохраниться своему и родиться последующим поколениям. Выжить и дать жизнь другим поколениям можно и будучи побежденным, в ситуации политической несвободы. Редукция нравственного компонента победы и акцент на ее исключительно биологической составляющей могут быть объяснимы той критической дистанцией по отношению к любому насилию (и, соответственно, его результатам), которую автор стремится выдержать на протяжении всего повествования. Стремление к победе действительно может приобретать патологические формы, воплощаясь, как в случае национал-социализма, в ведении войны на уничтожение (Vernichtungskrieg). Вместе с тем, дистанцируясь от перспективы победителя и будучи непричастным к этой перспективе, Канетти игнорирует значение победы в справедливой войне, которая оплачена высокой ценой и имеет моральное оправдание.

Подводя итог настоящему исследованию, отметим, что «Масса и власть» содержит обширный материал, способствующий осмыслению как причин эскалации, так и способов деэскалации насилия в прошлом и настоящем. Установка на экспликацию антропологических констант, реализуемая в исследовании Канетти, обусловлена, на наш взгляд, беспрецедентными по своему масштабу всплесками насилия в мировых войнах XX века, жестокость которых заставила автора усомниться в «цивилизованности» современного человечества.

Список литературы

1. Арндт Х. О насилии. М.: Новое издательство, 2014. 148 с.
2. Балаклеец Н.А. Война и ее трансформации в современном обществе: опыт политико-философского анализа. СПб.: Алетейя, 2024. 330 с.
3. Вебер М. Власть и политика. М.: РИПОЛ классик, 2017. 432 с.
4. Игнатченко И.В. Пьер де Кубертен и возрождение Олимпийских игр в XIX в. // Шаги / Steps. 2018. Т. 4, № 2. С. 80–91.
5. Канетти Э. Масса и власть. М.: Астрель, 2012. 574 с.
6. Клаузевиц К. О войне. М.: Издательская корпорация «Логос»; Международная академическая издательская компания «Наука», 1994. 448 с.

7. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.: «Макет», 1995. 316 с.
8. Фрейд З. Своевременные мысли о войне и смерти // Исследования по психоанализу культуры. Russian Imago 2001: Сборник статей. СПб.: Алетейя, 2002. С. 30–48.
9. Юнг К.Г. Божественный ребенок: Аналитическая психология и воспитание. М.: «Олимп»; ООО «Издательство АСТ-ЛИТД», 1997. 400 с.
10. Canetti E. Die Fackel im Ohr, Lebensgeschichte 1921–1931. München: Carl Hanser Verlag, 1980. 407 S.
11. Hüppauf B. Der moderne Krieg und das Irrationale // Schuld und Sühne? : Kriegserlebnis und Kriegsdeutung in deutschen Medien der Nachkriegszeit (1945–1961). Amsterdam: Rudopi, 2001. S. 155–171.
12. Kim D. Myths for Survival: Elias Canetti's Masse und Macht // MLN. Vol. 130, № 3, 2015. P. 623–642.
13. Kuhnau P. Masse und Macht in der Geschichte: Zur Konzeption anthropologischer Konstanten in Elias Canettis Werk Masse und Macht. Würzburg: Königshausen & Neumann, 1996. 423 S.
14. Lichtmesz M. Masse und Macht – über Elias Canetti // Sezession 48. 2012. Juni. S. 6–9.

CROWDS AND WAR IN THE INTERPRETATION BY ELIAS CANETTI

A.A. Shestakov, N.A. Balakleets

Samara State Technical University, Samara, Russian Federation

The article offers the interpretation of Elias Canetti's concept, presented in his work «Crowds and Power». The ways of interaction between crowds and power are explicated. The methods of the functioning of “double crowds” are revealed, including military crowds. The influence of the model of mimetic violence proposed by Carl von Clausewitz on Canetti's ideas is shown. In «Crowds and Power» sports competitions and parliamentary debates are understood as an ersatz of the bloody clash of double crowds. The figure of the «survivor», significant for Canetti's concept, is analyzed. It is substantiated that the focus on discovering anthropological constants, implemented in «Crowds and Power», was generated by unprecedented outbreaks of violence in the wars of the 20st century. The influence of the socio-historical context and the author's existential experience on the interpretation of key elements of his concept is explicated.

Keywords: *crowd, war, political philosophy, power, violence, history, winner.*

Об авторах:

ШЕСТАКОВ Александр Алексеевич – доктор философских наук, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных наук, ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», г. Самара. E-mail: shestakovalex@yandex.ru

БАЛАКЛЕЕЦ Наталья Александровна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук, ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», г. Самара. E-mail: bnatalja@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5191-3318>

Authors information:

SHESTAKOV Alexander Alekseevich PhD (Philosophy), Head of the Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities, Samara State Technical University, Samara. E-mail: shestakovalex@yandex.ru

BALAKLEETS Natalia Aleksandrovna – PhD (Philosophy), Associate Professor, Department of Philosophy, Social Sciences and Humanities, Samara State Technical University, Samara. E-mail: bnatalja@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5191-3318>

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.05.2024.
Дата принятия рукописи в печать: 20.06.2024.